

Епископ Каракасский и Южно-Американский Иоанн

Моя главная задача — исцелить раскол и вернуть паству и наши храмы

Южная Америка впервые приняла православных верующих — греков, славян, сербов — во второй половине XIX века. В XX веке сюда эмигрировали те, кто не смог смириться с властью большевиков в России. В частности, офицеры Белой армии, имена которых до сих пор вспоминают здесь с благодарностью. Чем заслужили это наши прадеды, как будет меняться приходская жизнь православных приходов в ближайшие 20 лет, какие проблемы переживает сегодня православие в Латинской Америке, рассказывает епископ Каракасский и Южно-Американский Иоанн.

Волны русской эмиграции

— *Ваше Преосвященство, за 30 лет, что вы служите Русской Православной Церкви, произошло много знаменательных событий, которые мало кто мог представить. Каким вы видите православие в России и в Южной Америке еще через двадцать лет?*

— Двадцать лет для меня большой период. Но, с другой стороны, если посмотреть чуть больше 20 лет назад, когда отмечали 1000-летие Крещения Руси, никто не думал, что так быстро рухнет «железный занавес», что восстановится общение между двумя ветвями Русской Православной Церкви и они объединятся. Поэтому с тем, что сегодня происходит в России, я связываю большие надежды, в этом я оптимист. Возрождение православия в России можно сравнить с временами святого равноапостольного князя Владимира, поскольку сейчас фактически происходит второе крещение Руси. И если

посмотреть, что было после первого крещения: люди просто пошли за князем, они ничего не понимали, были безграмотные, но чистым сердцем приняли христианство, крестились и открылись для действия Святого Духа. И через поколение это была уже Святая Русь. И сыновья князя Владимира Борис и Глеб тоже были святыми. Преподобный Антоний Печерский ушел на Афон и вернулся, принес с собой идею монашества. Если это было возможно тогда, когда люди были неграмотными, то сегодня, когда у нас есть память о Святой Руси, много литературы в открытом доступе, то снова расцвести православию намного легче, чем тогда. Надеюсь, это произойдет за предстоящие двадцать лет.

— *Вам приходилось в Южной Америке общаться с разными поколениями эмигрантов из России, чем они отличаются друг от друга?*

— Первая волна — это изгнанники, белая эмиграция. Вторая волна — это те, кто не захотел возвращаться в СССР после Второй мировой войны, — беженцы (они жили на оккупированной территории и потом бежали на Запад от приближающегося фронта. Например, в Латвии 10% населения стали беженцами). Это и советские военнопленные, и увезенные на Запад для работы на немцев советские граждане. Все они хорошо понимали, что многих ждут на родине ссылки и лагеря. А третья и четвертая — уехали по собственной воле. Третья волна в большей степени была еврейской эмиграцией. Это не значит, что они сами евреи, но их могли считать евреями по браку или по одному из родителей. И среди них было много православных верующих, а те, кто не были, стали верующими. Первая и вторая волна всегда боролись за свою «русскость», всегда смотрели на Россию с надеждой, что если не они, то хоть их дети или внуки вер-

нутся на родину. В настоящее время в наши храмы ходят потомки первой волны эмиграции. И среди них есть один старенький, но бодрый человек, который родился в России до революции. Его зовут Валентин Васильевич Хасапов, ему 96 лет, и он живет в Буэнос-Айресе.

Еще одна особенность в том, что дети первых двух волн эмиграции сохранили русский язык, хорошо говорят по-русски. Для сравнения: те, кто приехал десять лет назад, говорят по-русски проглатывая согласные, в их речи звучат испанские слова, это удивительная вещь. Но их мало в наших храмах. С третьей волной в Аргентине я еще не сталкивался. Это не значит, что их нет, просто я не знаком ни с кем из них. Много представителей четвертой волны эмиграции посещают приходы Русской Православной Церкви Московского Патриархата. Я служу в кафедральном соборе Воскресения Христова Буэнос-Айреса и исполняю также функции священника, исповедую, причащаю, поскольку священников у нас не хватает, поэтому непосредственно общаюсь с нашей паствой.

— *Какова численность вашего прихода?*

— В воскресный день у нас бывает на службе около тридцати человек, а в Пасху — несколько сотен. Молодежи мало, средний возраст от 40 и старше. Кроме русских есть у нас и аргентинцы, один из них сейчас учится в семинарии в Джорданвилле. Службы у нас в выходные, в главные и двенадцатые праздники (со всенощной накануне). Если праздник в будний день, людей приходит совсем мало: в будни все работают. Поэтому бывает, что в обычный день я совершаю службу келейно. Малочисленность наших приходов можно объяснить еще той причиной, что сильный удар по Русской Православной Церкви Заграницей в Латинской Америке нанес раскол.

Предыстория такова: в 2007 году группа православного духовенства и мирян в Латинской Америке ушла в раскол, созданный Агафангелом (Пашковским) — бывшим епископом РПЦЗ. Он отказался принять Акт о каноническом общении Зарубежной Церкви и Московского Патриархата. Лишенный сана за раскольническую деятельность, Агафангел провозгласил себя «митрополитом» и «первоиерархом» Зарубежной Церкви. В Южной Америке к нему ушла часть приходов: бразильские приходы, ряд приходов в Аргентине, а также в других странах. Всеми «агафангеловскими» приходами в Южной Америке руководит «епископ Сан-Паульский и Южно-Американский» Григорий. В прошлом запрещенный в служении протоиерей Георгий Петренко, который, овдовев, принял монашество с именем Григорий. Я сейчас изучаю этот вопрос, в чем причины такой поддержки раскольников именно в Латинской Америке, но точного ответа пока не знаю. Например, со старообрядцами я могу найти общий язык и в чем-то согласиться, потому что раскол с ними — церковный, все противоречия там по церковным вопросам. А с нашими раскольниками раскол отнюдь не церковный. Его причины, на мой взгляд, политические, психологические и социопсихологические. Плюс общий дух сопротивления, который царит в умах и душах людей в Латинской Америке. В частности, раскольники до сих пор утверждают, что Россия — это продолжение Советского Союза, что в Русской Православной Церкви есть сотрудники КГБ и т. д. Никаких контактов с раскольниками у нас сейчас нет. Хотя мы открыты к разговору и готовы объяснить, почему Акт о каноническом общении с Московским Патриархатом, подписанный в мае 2007 года, не является ни «предатель-

ством», ни «уклонением». Но раскольники не хотят ничего слышать.

И передо мной как архиереем стоит сегодня главная задача — исцелить раскол, вернуть назад и паству, и сами храмы (так, Троицкий собор Буэнос-Айреса занят раскольниками). Поднять уровень церковной жизни людей, потому что люди отошли от Церкви.

Но не всё плохо. Очень обнадёживает ситуация в Чили. Там большинство православных прихожан — чилийцы, которые перешли в православие из католицизма.

На первый взгляд это может показаться странным, ведь позиции Католической Церкви в Чили очень сильны, католики серьезно занимаются религиозным образованием. Однако бывшие католики сказали мне, что переходят в православие, так как в поиске истинной веры православие отвечает их духовным поискам. Но в целом для южноамериканских стран характерна обратная тенденция: люди уходят из Церкви, заключают смешанные браки, ассимилируются, и их дети уже, как правило, хоть крещенные в православии, но не сохраняют в дальнейшем свою православную веру. И очень важное значение имеет то, что в Чили священник, тоже чилиец, занимается активной миссионерской работой. И в храмах Московской Патриархии большинство людей — чилийцы. В Сантьяго у нас нет храма, его забрали раскольники. Но мы сделали часовню в обычной квартире и проводим там богослужение. В Чили православная община более живая, чем в Аргентине. Сейчас мы строим храм во имя преподобного Силуана Афонского в Консепсьоне (второй по величине город Чили), там постоянно проживает наш священник. Для строительства храма православные арабы пожертвовали землю, а рус-

Протоиерей Владимир Силовьев (слева) и епископ Каракасский и Южно-Американский Иоанн

ские, чилийцы и несколько сербов жертвуют свои средства. Это будет единственный православный храм в этом городе. Его настоятель — протоиерей Алексей Аедо.

— **Сколько же всего приходов в вашей епархии?**

— Эти цифры очень условны. Часть наших приходов, как я говорил уже, в расколе. Но мы все-таки считаем их своими. У нас есть и такие, где службы бывают очень редко, например раз в месяц или еще реже — раз в год. В Венесуэле у нас шесть приходов, и там два священника, в Чили у нас три общины — один священник и один дьякон, в Аргентине — действующих три прихода (один из них — собор). Есть в Парагвае один приход. Туда недавно приехал священник из России. А в Бразилии пять действующих приходов, которые полностью ушли в раскол, точно так же как и единственный храм в Уругвае.

— **Может быть, с переходом на испанский богослужебный язык вам удастся привлечь больше паствы из коренного населения? Вы говорили, в**

частности, что в Чили на ваших приходах служат по-испански?

— Да, в Чили служат по-испански. Но когда я там бываю и служу, то свою часть службы произношу на церковнославянском (и это понятно пастве), а остальная часть службы идет на испанском. К слову, у них в богослужении есть и русские распевы, и греческие. Есть одна проблема, о которой мне хотелось бы вам сказать. Она касается потомков русских эмигрантов, которые родились в той же Аргентине и не понимают церковнославянского языка. Но при этом они не хотят ходить в храм, где служат по-испански, считая, что в этом случае они уже не смогут называть себя русскими и их уже ничего не будет связывать с Россией. Я думаю, что вопрос, переходить на испанский язык в богослужении или нет, это вопрос времени. И когда вы спрашивали о будущем православия в Латинской Америке, это, возможно, наше будущее — повсеместное служение на испанском. Антиохийцы перешли уже, у них четыре епархии в Южной Америке. В Аргентине и

Собор Воскресения Христова в Буэнос-Айресе (Аргентина)

Чили они полностью перешли на испанский, в Бразилии — на португальский, а в Венесуэле служат по-арабски. И если на испанский богослужебный язык со временем перейдут русская, греческая, сербская общины, то, скорее всего, они все объединятся в одну Церковь, потому что разделение по национальному признаку в этом случае, мне кажется, будет бессмысленно. Я считаю, мы должны перейти на испанский, но я не тот человек, кто может это сделать, так как в достаточной мере не знаю испанского языка.

— **В одном из интервью вы сказали о перспективах работы со старообрядческими общинами?**

— Этот вопрос надо изучать. В Южной Америке есть, особенно в Бразилии и Боливии, очень много старообрядцев часовенного согласия. Старообрядцы есть и в Уругвае. На практике они не имеют священства, но не утверждают, что благодать священства вовсе отнята из мира. И я хочу с ними познакомиться и поговорить с надеждой привлечения их под наш омофор.

— **Как у вас построено духовное руководство? Существует ли у мирян проблема поиска духовника?**

— У нас так мало священнослужителей, которые находятся так далеко друг от друга, что выбора практически нет. Это в Москве несколько храмов на одной улице может стоять. И расстояния опять же не дают возможности священству часто собираться, чтобы обсуждать общие духовные вопросы. А интернет-конференции не можем проводить, так как много священников старшего поколения и им это всё очень непривычно. Но, конечно, если у священства возникают какие-то вопросы по духовному окормлению паствы, то решаем их напрямую, по телефону. Часто это вопросы, возникающие в семьях, где супруги принадлежат разным Церквям: Католической и Православной.

— **Владыка, а насколько вы чувствуете присутствие Бога в своей жизни?**

— Я считаю, это естественное состояние, когда Бог присутствует в нас и мы не обращаем на это

СПРАВКА

Южноамериканская епархия Русской Православной Церкви Заграницей

По территории это одна из самых больших православных епархий в мире, она охватывает всю Южную Америку. Ранее у Русской Зарубежной Церкви в этих странах было несколько епархий: Аргентинско-Парагвайская, Бразильская, Чилийско-Перуанская и Венесуэльская. Но с годами паства сократилась и все эти церковные области были объединены в одну с центром в Буэнос-Айресе. Впервые православные верующие прибыли на континент в 1860-е гг. и поселились в Аргентине, Уругвае и Бразилии. Это были сирийцы и ливанцы, приехавшие из Османской империи. В 1880-х гг. в Аргентину стали переселяться греки, сербы, румыны и болгары. В 1887 г. православные жители Аргентины обратились к императору Александру III с ходатайством об открытии православной церкви в Буэнос-Айресе. При участии российского посла в Аргентине и обер-прокурора Синода Победоносцева в 1888 г. церковь была открыта, настоятелем прихода был назначен священник Михаил Иванов. Первоначально она располагалась в частном доме, походный иконостас привезли из Мадрида. В 1889 г. в этой домовой церкви была совершена первая в Южной Америке православная Литургия. Первый православный храм на континенте был построен в Буэнос-Айресе в 1898–1899 гг., в 1901 г. — освящен в честь Святой Троицы. Средства на его возведение жертвовали императрица Мария Федоровна, отец Иоанн Кронштадтский, Боткин, Самарин, верующие из многих стран. Сегодня православные приходы континента принадлежат Антиохийской, Сербской, Греческой и Русской Православным Церквям.

внимания, но зато сразу замечаем, когда Его нет. Но хочу сказать о другом. В Южной Америке меня часто посещает ощущение, что люди здесь чувствуют себя как бы на задворках цивилизации. Не только потому, что живут небогато, но и потому что географически удалены от остального мира. Мое наблюдение: в Аргентине не очень ощущается религиозность людей, а чилийцы, наоборот, очень настойчивы в поиске истинной веры. И хотя в Аргентине верующие в значительной массе католики, но среди католиков есть такое течение, как «богословие освобождения». Это южноамериканское явление, когда политика начала заменять церковность. Это явление, мне кажется, играет большую роль в нашем расколе, только у католиков это — левая политика, а у наших — правая. Они считают себя монархистами, но с каким-то фашистским уклоном. Например, они всегда поддерживали военные диктатуры, они настроены против России, в которой, по их мнению, по-прежнему правят коммунисты и т.д.

Русские имена в пантеоне героев

— Насколько ощущается в Латинской Америке влияние русской культуры, ведь в 20-х годах XX века туда эмигрировало много русских?

— Не сказал бы, что везде, где жили русские общины, это ощущается. Но в некоторых местах есть влияние русских. В частности, в Парагвае, за который сражались белые русские офицеры. Наиболее известен из них генерал-майор Иван Беляев, возглавивший Генштаб Парагвайской армии в Чакской войне Парагвая против Боливии (1932–1935). Он проявил себя не только как военный, но еще и как ученый — географ, этнограф, антрополог, лингвист,

Всенощная в храме Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове

впервые описавший быт и культуру парагвайских индейцев. Противниками Беляева и других русских с боливийской стороны были немецкие офицеры, в частности генерал Ганс Кундт. Боливийская армия превосходила по численности парагвайскую, но проиграла. Имена русских офицеров, погибших в тех боях, выбиты на плитах в Национальном пантеоне героев. Так, в сентябре прошлого года в городе Асунсьоне, столице Парагвая, на кладбище, где под русские захоронения выделен специальный участок, были перезахоронены останки русского офицера Василия Орефьева-Серебрякова. Он погиб ровно 80 лет назад, за один день до победы, ведя за собой на штурм крепости Бокерон, занятой боливийцами батальон Парагвайской армии. Мне было поручено возглавить процедуру перезахоронения вместе с представителями парагвайского правительства и военных. В церемонии участвовал и выступил с кратким словом посол России в Парагвае Григорий Машков. Всё было очень торжественно: играл военный оркестр, был выстроен почетный караул из парагвайских сол-

дат в форме времен Чакской войны. От имени армии Парагвая выступил полковник Эльвио Флорес, который подчеркнул, что русские белые офицеры всегда вели себя в боях как «первоклассные военные». Это правда, потому что русские воины сражались за Парагвай как за свою вторую родину, которая приняла их, дала им кров и работу.

— Что бы вы хотели пожелать православным верующим России?

— Укрепиться православием, быть закваской в обществе, стяжать дух мирен. Если даже несколько человек будут стоять в вере крепко, это не может не повлиять на всех окружающих. А если человек исповедует христианство, но живет не по-христиански, он других отвращает от христианства. Каждый из нас должен проповедовать Евангелие делом. Не каждый призван проповедовать словом, но каждый может это делать примером своей жизни, жить по Евангелию. Как сказано: *Да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного* (Мф. 5, 16).

Беседовал Алексей Реутский